

УДК 378.126

СОКРАТ И ПЛАТОН – ДЛЯ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ (ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ, МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ И ДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)

Гусев Дмитрий Алексеевич^{1,2,3},
д-р филос. наук, профессор,
e-mail: gusev.d@bk.ru,

Минайченкова Екатерина Игоревна²,
канд. пед. наук,
e-mail: eminaychenkova@muiv.ru,

Калайдова Анастасия Александровна²,
канд. филол. наук,
e-mail: arukina@muiv.ru,

Пустовойтов Юрий Леонидович²,
e-mail: rab36@yandex.ru,

Суслов Алексей Викторович^{2,4},
канд. филос. наук, доцент,
e-mail: suslov.aleksei@mail.ru

¹Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

²Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

³Институт права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Россия

⁴Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия

Актуальность темы определяется существенными образовательными потерями, во многом связанными с процессом цифровизации, который неизбежно влечет за собой значительную технократизацию, бюрократизацию, формализацию и отчуждение содержания как среднего, так и высшего отечественного образования от тех, кто его получает. Объектом исследования является преподавание общеобразовательного курса философии студентам высших учебных заведений нефилософских направлений и профилей подготовки в современных образовательных условиях. Предметом исследования является изучение и преподавание в общем курсе философии основных идей двух наиболее важных историко-философских фигур, задающих вневременное основное содержание такой формы духовной культуры человечества, как философия, – Сократа и Платона. Целью работы является педагогическая демонстрация того, что в зависимости от специфики преподавания философии ее можно сделать как отталкивающей, так и притягивающей познавательный интерес студенческой аудитории. Методами исследования являются дедукция и индукция, умозаключения по аналогии, идеализация, абстрагирование, педагогическое наблюдение и эмпирическое обобщение, сравнительный анализ и мысленный эксперимент. Результатом работы и одним из ее выводов является обоснование своего рода «педагогической теоремы» о том, что простое, ясное и приближенное к жизни изложение любого материала многократно повышает уровень образовательной заинтересованности студенческой аудитории и степень эффективности обучения. Областью применения результатов исследования являются мировоззренческая эвристика, философское просвещение, преподавание философии и других социально-гуманитарных дисциплин в высшей школе.

Ключевые слова: современное образование, преподавание философии, учение Сократа, майевтика, учение Платона, мир идей, мир вещей, эйдосы, умозрение, теория врожденных идей, христианство

SOCRATES AND PLATO – FOR MODERN STUDENTS (HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL, WORLDVIEW AND DIDACTIC ASPECTS)

Gusev D.A.^{1,2,3},
doctor of philosophy sciences, professor,
e-mail: gusev.d@bk.ru,

Minaychenkova E.I.²,
candidate of pedagogical sciences,
e-mail: eminaychenkova@muiv.ru,

Kalaidova A.A.²,
candidate of philology sciences,
e-mail: arukina@muiv.ru,

Pustovoitov J.L.²,
e-mail: ra636@yandex.ru,

Suslov A.V.^{2,4},
candidate of philosophy sciences, associate professor,
e-mail: suslov.aleksei@mail.ru,

¹*Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia*

²*Moscow Witte University, Moscow, Russia*

³*Institute of Law and National Security of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia*

⁴*Russian State Social University Moscow, Russia*

The relevance of the topic is determined by significant educational losses, largely related to the process of digitalization, which inevitably entails significant technocratization, bureaucratization, formalization and alienation of the content of both secondary and higher education in Russia from those who acquire it. The object of the research is the teaching of a general philosophy course to students of higher educational institutions of non-philosophical areas and training profiles in modern educational conditions. The subject of the research is the study and teaching in the general philosophy course of the main ideas of the two most important historical and philosophical figures who set the timeless basic content of such a form of spiritual culture of mankind as philosophy – Socrates and Plato. The purpose of the work is a pedagogical demonstration that, depending on the specifics of teaching philosophy, it can be made both repulsive and attracting the cognitive interest of the student audience. The research methods are deductive and inductive conclusions, analogical conclusions, idealization, abstraction, pedagogical observation and empirical generalization, comparative analysis and thought experiment. The result of the work and one of its conclusions is the substantiation of a kind of “pedagogical theorem” that a simple, clear and realistic presentation of any material greatly increases the level of educational interest of the student audience and the degree of learning effectiveness. The application area of the research results is ideological heuristics, philosophical enlightenment, teaching philosophy and other social and humanitarian disciplines in higher education.

Keywords: modern education, teaching philosophy, Socrates' teaching, maieutics, Plato's teaching, the world of ideas, the world of things, eidos, speculation, theory of innate ideas, Christianity

DOI 10.21777/2500-2112-2025-1-84-97

Введение

Одним из главных вопросов как среднего, так и высшего образования, как ни удивительно это прозвучит на первый взгляд, является вопрос о том, что такое образование, по крупному счету, или по некоему «общему знаменателю», или *sub specie aeternitatis* (с точки зрения вечности). Если попытаться ответить на данный вопрос очень обобщенно, просто, но в то же время достаточно точно, то образование – это такая ситуация, в которой человек сначала чего-то не знал, не понимал, не умел, не мог, не разбирался и т.д., а

после некоторых образовательных мероприятий, взаимодействий, событий, действий, усилий он это (хотя бы отчасти) знает, понимает, умеет, может, разбирается и т.д., или, иначе говоря, он поднялся в своем интеллектуальном и душевном развитии на несколько ступенек выше того уровня, на котором он находился изначально.

Исходя из такого понимания образования, одним из главных вопросов вузовского преподавателя (и школьного учителя тоже) является вопрос о его *целеполагании*, который заключается в выяснении того, что именно он хочет сделать с учащейся аудиторией, какие результаты своих с ней взаимодействий предполагает и планирует, или, иначе говоря, что представляет собой совокупный внутренний мир учащегося *на входе и на выходе* (в начале и в конце семестра, в начале и в конце изучения какой-либо дисциплины). Без постановки такого вопроса и постоянного поиска ответов на него профессиональная деятельность преподавателя заведомо обречена на обессмысливание, профанацию и педагогический провал¹.

Если же все-таки такого рода вопрос «стоит на повестке» профессиональной деятельности преподавателя, то вполне очевидный и «минимальный» ответ на него будет заключаться в том, что он (преподаватель) хотел бы, чтобы в результате его взаимодействия с учащейся аудиторией в рамках изучения какой-либо дисциплины в сознании студентов *хотя бы что-то осталось*, причем – не в силу того, что им пришлось *выучить* некий материал к зачету или экзамену, а потому что сообщаемые учащимся знания и формируемые у них умения показались и представились им как действительно важные и нужные, жизненные и интересные.

Выполнению такой задачи нисколько не способствуют, а, наоборот, препятствуют современные объективные, институциональные образовательные реалии, одной из которых является цифровизация образования. Последняя, согласно фактически общему признанию, является одной из основных причин существенных образовательных потерь, т.к. с процессом цифровизации образования тесно связана его технократизация, а, значит, также – бюрократизация, формализация и *отчуждение* содержания как среднего, так и высшего отечественного образования от тех, кто его получает. Иначе говоря, цифровизация образования, к сожалению, тесно связана с *усилением его профанации*.

Что делать преподавателю высшей школы в современных образовательных условиях, если он не *за*, а *против* профанации образования? Ответ на этот вопрос удивительным образом является *вневременным*, т.е. не зависит от конкретных характеристик любой эпохи – экономических, политических, социальных, культурных и т.д. Смысл этого ответа заключается в том, что преподаватель, если он действительно стремится к достижению хотя бы минимального образовательного результата, несмотря ни на какие внешние образовательные обстоятельства, условия и факторы, будет стараться изложить учащимся материал не так, чтобы они *могли его воспринять*, понять и усвоить, а так, что бы они *не могли его не воспринять*, понять и усвоить; он будет стремиться привлечь их (учащихся) к нему (материалу) или, по меньшей мере, – не оттолкнуть их от него, а в идеале – показать им, что это все не *против* них, а *за* них и *для* них [1].

В предлагаемой вниманию читателя статье предпринимается попытка показать некоторые педагогические и дидактические ходы, с помощью которых возможно приблизиться к решению выше обозначенной задачи, на примере преподавания общеобразовательного и общеобязательного курса философии студентам нефилософских направлений и профилей подготовки и, конкретнее, – на примере изучения и изложения основных философских идей двух ключевых для всей мировой культуры фигур мыслителей, выдающихся представителей классической античной философии – Сократа и Платона.

1. «Я знаю только то, что я ничего не знаю»

Начиная преподавать общий курс философии у студентов, достаточно далеких от нее и полагающих, что *философия им не нужна*, по всей видимости, следует познакомить учащихся со странным, на первый взгляд, но вместе с тем где-то и интригующим, а значит, уже педагогически целесообразным утверждением о том, что *философия не является наукой*. Здесь, вполне возможно, даже у незаинтересованного и немотивированного человека возникнет вопрос, *а чем же тогда она является?* Само появление этого вопроса (равно, как и любого другого вопроса, адресованного студенческой аудиторией преподавателю), уже косвенно свидетельствует о том, что он находится на педагогически правильном

¹ Гусев Д.А. Философия: нескучный учебник: учебник для вузов. – Москва: Прометей, 2025. – 808 с.

пути, т.к. ситуация будет заведомо проигрышной, когда у учащихся *вообще нет никаких вопросов*, что, возможно, выступает свидетельством того, они ничего *не услышали*, потому что ничего *не поняли*, если исходить из вполне справедливой максимы о том, что *каждый слышит только то, что он понимает* [2].

Далее можно познакомить наших учащихся с тем, что философия – это самостоятельная форма духовной культуры, существующая вместе и наряду с другими ее основными формами – наукой, религией и искусством, которая стремится в наиболее общих чертах объяснить все существующее, ответить на некие глобальные, сложные или вечные вопросы, которые также часто называются *метафизическими*. Здесь можно познакомить студентов с этим знаменитым греческим термином, который состоит из двух частей – приставки «мета» (*meta*), означающей «над», «за», «сверх», и слова «физис» (*physis*), которое переводится на русский как «природа» (в смысле – весь окружающий нас мир). Здесь учащиеся уже сами смогут сделать вывод о том, что метафизический – это как бы приподнимающийся над окружающим нас миром природы и нашей повседневной жизнью, выходящий за границы, пределы, рамки того и другого, и, например, вопрос, *как сделать карьеру*, является *физическими*, а вопрос, *в чем заключается смысл жизни*, является *метафизическими*, а человек в своей жизни постоянно задается как теми, так и другими вопросами, которые, таким образом, необходимы для него, даже несмотря на то, что метафизическими вопросами он, как правило, задается намного реже, чем физическими.

Если в результате изучения курса философии человек узнает, поймет и запомнит всего лишь то, что такое *физическое и метафизическое* и сможет в дальнейшей своей жизни свободно обращаться к этим понятиям и пользоваться ими, то даже этот минимальный образовательный результат можно считать педагогическим достижением преподавателя, т.к. в данном случае в сознании учащегося что-то осталось, его внутренний мир все же обогатился на крайне малую величину, что, несомненно, намного лучше, чем если бы по изучении семестрового курса философии он не обогатился бы вообще *ни на сколько*, а в его сознании совсем *ничего* не осталось бы [3].

Итак, философия – это поиск ответов на метафизические вопросы, в отличие от науки, которая ищет ответы на вопросы физические. После этого возможно познакомить учащуюся аудиторию с еще одним известным определением философии, согласно которому она представляет собой *знающее незнание*. Само это словосочетание является оксюмороном – сочетанием несочетаемого, которое, будучи не непроизвольной логической ошибкой, а лексическим и риторическим приемом, представляет собой не нарушение, как может показаться, логического закона противоречия, а эффективное дидактическое средство, позволяющее сделать излагаемый материал не только более ясным, но и более ярким и запоминающимся.

Что такое *знающее незнание*? Как понимать этот странный, на первый взгляд, речевой оборот? Здесь самое время перенестись вместе с нашими студентами на два с лишним тысячелетия назад к знаменитому греческому философу Сократу, идеи которого, несмотря на столь «почтенный возраст», нисколько не устаревают и интересны нам сегодня не только как покрытые пылью времен памятники старины, но и как вполне современные руководства к нашей сегодняшней практической жизни и деятельности [4].

Сократ, помимо прочего, оставил нам знаменитое изречение, с которым, возможно, многие нынешние студенты были знакомы задолго до того, как начали изучать вузовский курс философии: «Я знаю только то, что я ничего не знаю». Согласимся с нашими учащимися в том, что на первый взгляд, это утверждение выглядит достаточно странным, и расскажем им историю о том, что по преданию, кто-то из друзей Сократа спросил оракула (предсказателя), кто из греков самый мудрый. Оракул ответил: «Сократ». Когда этот ответ передали Сократу, он удивился и сказал: «Как же так – я знаю только то, что я ничего не знаю, а оракул объявил меня самым мудрым?». После некоторого размышления он сказал: «Кажется, я понимаю, о чем говорил оракул, – я-то знаю о том, что ничего не знаю, а другие даже этого не знают». Согласитесь, уважаемый читатель, что такого рода изложение материала является намного более педагогически выигрышным и дидактически эффективным, чем набившие оскомину многословные, непонятные, скучные и безжизненные определения, сопоставления, классификации, умозаключения из учебника, словаря, энциклопедии, методического пособия и т.п. и т.д. Как же понимать странное, на первый взгляд, утверждение Сократа о том, что он знает только то, что ничего не знает?

Обратим внимание наших студентов на вопрос о силе привычки и ее роли в нашей жизни, который, в принципе, не может быть скучным или непонятным, потому что непосредственно относится к

каждому из нас и напрямую влияет на любую человеческую жизнь. Человеку, который привык к окружающему его миру и самому себе, может казаться, что все вокруг просто, ясно и понятно, он может думать, будто бы все знает. Однако такое его «знание» является призрачным и представляет собой самообольщение: привычка к чему-либо никак не означает, что это и является истиной. Получается, что человек, на самом деле, ничего толком не знает, но ему кажется, что знает, а в результате он не знает того, что он ничего по-настоящему не знает. Он *не знает* своего незнания. Философ же как раз *знает* о своем незнании. Именно такое знание (знание о собственном незнании) и является самым ценным на свете знанием или подлинной мудростью. Почему? Потому что, когда человек думает, будто бы все знает, он не будет стремиться ни к какому знанию и поиску истины, – зачем стремиться, если и так уже все «понятно» и «известно». Так же и наоборот, когда человек знает о своем незнании, тогда стремление к знанию и поиску истины для него не закрыто [5].

Далее учащиеся смогут уже самостоятельно продолжить логику данного рассуждения и сказать, что когда человеку все «понятно» и «просто», когда он все «знает» и «понимает», он никуда не движется, не меняется, как бы погружаясь в некий «сон» или «обморок» ума и души и проживает всю жизнь, так и не «просыпаясь» и не «приходя в сознание». Это «сонное» или «обморочное» состояние может казаться вполне нормальным, естественным, обычным и даже вполне комфорtnым. В таком состоянии находятся все не наделенные разумом и свободной волей объекты и существа окружающей нас живой и неживой природы, и если человек хочет быть именно человеком, а не одним из этих неразумных объектов и существ, то его задача – не «спать» и не пребывать в «обмороке», а, наоборот, – «бодрствовать» и «быть в сознании». Таким образом, сделаем мы вывод вместе с нашими студентами – роль и значение философии, помимо всего прочего, состоит еще и в том, чтобы «растормошить» человека, «пробудить» его ото «сна», помочь «очнуться» от «обморока» и с помощью *знающего незнания* перейти к новой жизни – полноценной и осмысленной [6; 7].

2. Что такое майевтика?

Далее обратим внимание наших студентов, что, исходя из рассмотренной идеи Сократа о *знающем незнании*, получается, что философ не может показать людям истину, т.к. и сам не знает наверняка, где она, в чем заключается и что собой представляет, но он может подтолкнуть человека к поиску истины. Философ не может поделиться с кем-то своим *знанием*, т.к. знает только то, что ничего не знает, но он может поделиться с человеком своим *незнанием*, т.е. – открыть ему глаза на его незнание, тем самым способствуя тому, чтобы он начал искать истину и действительно смог бы узнать что-то подлинное и настоящее. Как возможно показать человеку, что он ничего не знает, в то время, как ему кажется, что он все знает? Можно поставить вместе с учащимися мысленный эксперимент, в котором мы говорим кому-то: «Ты же ничего не знаешь!». Как вы думаете, спросим мы наших студентов, велика ли в данном случае вероятность того, что он ответит так: «Ой, и правда, – я же ничего не знаю»? Скорее всего, скажут они и будут вполне правы, все будет наоборот, – он скажет, что как раз все знает, и ему все просто, понятно, известно, привычно и т.д.

Проиллюстрируем то же самое с помощью другого примера. Любому представителю учащейся аудитории, скорее всего, приходилось когда-то с кем-то о чем-то спорить. Зададимся вопросом, – если мы в споре или дискуссии будем говорить нашему оппоненту: «Ты не прав, все не так», – то велика ли вероятность, что он ответит следующим образом: «Ой, оказывается я не прав, а я и не знал об этом, спасибо тебе за то, что ты мне об этом сообщил, теперь буду знать, как я заблуждался»? По всей видимости, все будет иначе, – чем больше мы будем ему говорить, что он не прав и заблуждается, тем только более твердо он будет стоять на своей точке зрения. Как же быть в таком случае? И вот здесь можно перейти к тому, что Сократ создал удивительный метод ведения спора или беседы, а также метод философствования, который называется **майевтика** (греч. *maieutike* – «повивальное или акушерское искусство», «искусство помочи при родах»). Свое название этот метод получил по той причине, что философ, согласно утверждению Сократа, не может родить истину, но может помочь ее рождению в уме и в сердце человека путем приведения его к пониманию собственного незнания. Смысл данного

метода состоит в том, что в беседе или споре Сократ ничего не утверждает и не отрицает, а только задает своему собеседнику вопросы, но задает их так, чтобы он в результате понял, что *ничего не знает* из того, о чем, как ему казалось ранее, он *хорошо знает*. Приведем пример использования на практике метода майевтики. Конкретные примеры имеют большое дидактическое значение и играют огромную роль в образовательных взаимодействиях [8].

Сократ спрашивает некоего человека:

- Знаешь ли ты, что такое добро и зло, что хорошо и что плохо?
- Конечно же знаю, Сократ, – уверенно отвечает он, – кто же этого не знает!
- Тебе повезло, – говорит Сократ, прикидываясь, – ты вот знаешь, а я не знаю.
- Так ты спроси меня, Сократ, я тебе все расскажу!
- Правда, – расскажешь?
- Конечно же, – расскажу!
- Ну ладно, тогда скажи мне, например, – лгать, или обманывать – это хорошо или плохо?
- Конечно же плохо, Сократ, обманывать – это плохо, и все это знают!
- Хорошо, я понял, – обманывать – плохо. Но вот теперь скажи, если, например, мать обманывает своего ребенка, говоря ему, что лекарство сладкое, хотя на самом деле оно горькое, лишь бы он его выпил и выздоровел, – она в этом случае поступает хорошо или плохо?
- В этом случае она поступает хорошо, – уже в некотором замешательстве говорит собеседник Сократа.
- Значит, обманывать все же хорошо? – спрашивает его Сократ.
- Ну да, хорошо, – еще в большем замешательстве отвечает его собеседник.
- Постой, ты же сначала сказал, что это плохо, – говорит Сократ.
- Ну да, плохо, – отвечает тот.
- Так все же хорошо или плохо? – вновь спрашивает его Сократ.
- Теперь уже и *не знаю*, Сократ, запутал ты меня совсем, вернее сам я запутался, – отвечает человек, признавая, таким образом, что именно не знает о том, о чем совсем недавно думал, что хорошо знает.

Как видим, философ открывает человеку глаза на его незнание и тем самым помогает ему преодолеть преграду на пути действительного познания, – самим же человеком созданную преграду в виде *иллюзии знания*. Если вам придется когда-либо с кем-то о чем-то спорить, скажем нашим студентам, попробуйте применить сократовский метод майевтики, – ничего не утверждать и не отрицать, тем более, не говорить вашему оппоненту, что он не прав, а только задавать ему вопросы таким образом, чтобы он через некоторое время понял, что толком ничего не знает об обсуждаемом предмете, хотя ранее был уверен в своем знании о нем [9].

Далее отметим, что понятие майевтики тесно связано с понятием **эвристики** (греч. *heurisko* – «находить», «открывать», «отыскивать»). Эвристикой обычно называется интеллектуальный поиск, попытка ответить на некие непростые вопросы, найти решение каких-то теоретических и, возможно, практических проблем. Когда человеку кажется, что он все знает, тогда, разумеется он ничего не ищет, не стремится ничего найти, открыть, понять, постичь, познать. Если же он знает только то, что ничего не знает, тогда у него есть шанс на приобретение подлинного знания. Прилагательное «эвристический», уже смогут самостоятельно сделать вывод наши студенты, означает «ищущий», «исследующий», «испытывающий», «открывающий» и т.п.

Итак, чтобы что-то узнать, надо *знать*, что ты ничего не знаешь, чтобы что-то *понять*, надо понимать, что ты ничего не понимаешь, чтобы стать лучше, надо *видеть*, насколько ты далек от совершенства. Обратим в данном случае внимание учащихся на то, что религия (в развитых своих формах) говорит человеку примерно то же самое, – чтобы стать лучше, надо понять, насколько ты плох; без осознания этого невозможно никакое совершенствование – сначала действительное *понимание* своего несовершенства, потом искреннее *раскаяние* в своих безобразиях и, наконец, подлинное *преображение* или «второе рождение» – от жизни полубессознательной к жизни, наполненной неиллюзорным смыслом и по-настоящему счастливой [10].

Подводя итог этой части нашей беседы со студентами, можем также отметить, что философия как бы «расколдовывает» человека, «заколдованный» как внешними обстоятельствами (обществом, средой, эпохой и т.п.), так и внутренними факторами – его собственным неразумием, самомнением,

обольщением, леностью и другими пороками и несовершенствами.

3. Мир идей и мир вещей

Продолжая разговор об идеях выдающихся мыслителей Античности, рассмотрим вместе с нашими студентами еще одну аналогию, иллюстрирующую то, что делает философия и зачем она нужна, предложенную нам знаменитым древнегреческим философом Платоном, который был учеником Сократа и жил на рубеже V–IV вв. до. н.э. Настоящее имя его – Аристокл, а Платон – это прозвище, которое переводится с греческого как «Широкий». Он получил его то ли за крепость телосложения, то ли за широкий лоб, то ли широту мысли. Если Сократ ничего не писал, то Платон оставил много сочинений, которые в современном издании занимают четыре больших тома. Его произведения написаны, в основном, в форме диалогов, главным действующим лицом которых является Сократ, беседующий с философами на различные темы. Влияние Платона на всю последующую философскую мысль было настолько велико, что известный английский философ XIX–XX вв. А. Уайтхед даже предложил такое знаменитое утверждение, согласно которому «вся философия – это заметки на полях сочинений Платона».

Обратим внимание наших студентов на одну из основных мыслей Платона, которой является широко распространенное в философии утверждение о том, что видимое не есть реальное: если мы что-то видим, то это вовсе не значит, что оно существует именно так, как нами воспринимается. Такого рода идея является одной из вечных в истории мировой философской мысли, например, греческие философы элейской школы (элейские философы или элеаты) утверждали – несмотря на то, что мы видим вокруг себя движение и изменение, на самом деле ничто не движется и не меняется; а греческий философ Гераклит, наоборот, учил, что если нечто наблюдается нами неизменным, то это не означает, что оно действительно таково, просто никто не замечает всеобщее и непрекращающееся движение, и поэтому в одну и ту же реку невозможно войти дважды, равно, как и все остальное нельзя сделать дважды, – настолько быстро все меняется и становится через мгновение уже не таким, каким было секунду назад. Мы видим горы и деревья, луга и озера, звезды и планеты, говорил другой греческий философ – Демокрит, и совсем не понимаем, что нет ни того, ни другого, ни третьего, а есть только набор простейших, неделимых, невидимых нами элементов – атомов, которые движутся в пустоте, а их соединения и разъединения, их временные и неустойчивые комбинации как раз и являются различными объектами окружающего нас мира, про которые мы думаем, будто бы они действительно существуют, – так же, как и сам мир, хотя в реальности есть только атомы и пустота. Знаменитый Пифагор и его последователи утверждали, что весь окружающий нас и видимый нами мир – это инибитье (иная форма существования) высшего, совершенного, невидимого, но реально существующего мира математических объектов – чисел, пропорций, симметрий, геометрических фигур и т.д., иначе говоря, не мы придумали математику, а весь мир и мы в нем – ее проявление, воплощение, отражение. Итак, совершенно не исключено, что видим мы нечто одно, а на самом деле существует совсем другое, тем более, что у нас нет никаких достаточных оснований или аргументов полагать, что видимое, привычное, знакомое, понятное, известное и т.д. – это и есть мир такой, какой он сам по себе, или – *на самом деле* [11; 12].

Что же нам предлагает греческий философ Платон? Для того, чтобы лучше понять его учение, предложим нашим студентам представить себе такую картину. Допустим, перед нами лежат три предмета – яблоко, груша и слива. Эти объекты совершенно различны и непохожи друг на друга, понятно, что яблоко – это не груша, груша – не слива, слива – не яблоко. Но есть в них нечто общее, сходное, делающее их отличными от других вещей, что-то такое, что позволяет объединить их в какую-то одну группу объектов окружающего нас мира. Это общее мы фиксируем в понятии «фрукт» и в слове, которое данное понятие выражает. Теперь зададимся вопросом, – существует ли фрукт в реальности – в качестве такого объекта, в котором были бы собраны все возможные фрукты Земли, который можно было бы посмотреть или потрогать, или попробовать на вкус? Нет, не существует, говорят учащиеся, – «фрукт» – это всего лишь понятие, термин, имя, название, которым мы обозначаем группу сходных между собой объектов; реально существуют только сами эти объекты, а их понятия или понятия о них реально или предметно, телесно в мире не существуют, т.к. они находятся только в нашем уме в качестве мыслей или идей. Возможен ли

такой ход рассуждения? Конечно же, – возможен, более того, мы в своем большинстве именно так и представляем себе соотношение реальных вещей или объектов окружающего нас мира и понятий нашего ума, с помощью которых мы эти объекты отражаем, представляем, обозначаем, выражаем в нашем мышлении.

Возможен ли другой, противоположный ход мысли, можно ли предположить, что все обстоит совершенно иначе, наоборот? Например, реально и изначально существуют не объекты или вещи, или предметы окружающего нас телесного, чувственного (воспринимаемого органами чувств) мира, а как раз идеи или понятия этих вещей; но существуют эти идеи не в нашем уме, как мы привычно считаем, *a сами по себе*, вне нас, помимо нас и независимо от нас, – в особом, высшем, идеальном, недоступном нашим органам чувств, сверхчувственном мире, а все чувственные объекты, вещи, предметы, тела, которые нас окружают, – всего лишь порождения этих идей и являются их отражениями или тенями, и поэтому первоначально, действительно, реально существуют не они, а их идеи. Эта мысль – главная в учении Платона. Нам кажется, говорит он, что мир один – тот, который мы видим вокруг себя, на самом же деле мира два: один – высший, невидимый, совершенный, неизменный мир *идей* или *эйдосов* (греч. *idea, eidos* – «вид», «облик», «образ», «форма»), другой – низший, чувственно воспринимаемый нами, несовершенный, изменчивый мир *вещей*, причем второй произведен от первого, порождается им [13].

Например, в этом высшем мире идея существует идея лошади, вот она-то и «отвечает» за каждую конкретную лошадь, которая находится в окружающем нас мире, обуславливает ее, определяет, «задает», выступает ее причиной. Именно благодаря этой идее лошади, видимая нами, телесная, «вещественная» лошадь остается лошадью и не превращается в какой-нибудь другой объект; т.е. чувственно воспринимаемые вещи обретают смысл, реальность, устойчивость, постоянство как раз из-за причастности к вечным и неизменным идеям. Если бы этого стабилизирующего мирового начала – идей – не было, то любой объект постоянно, непредсказуемо и хаотично переходил бы в любое иное состояние: муравей, например, вдруг мог бы превратиться в слона или гору, или цветок, а планета могла бы стать водопадом, деревом, островом, молекулой, облаком, или каплей росы... Таким образом, мир идей – это как бы смысловой «каркас» чувственного или физического мира, не видимый глазу, но доступный нашему мышлению или нашей удивительной способности к *умозрению*. По преданию, философ Антисфен, критикуя платоновскую теорию идей, как-то сказал ее создателю: «Я видел огромное количество лошадей, Платон, но я никогда не видел идею лошади, о которой ты так настойчиво говоришь». Платон ответил ему: «Стало быть, у тебя, Антисфен, есть глаза, чтобы увидеть каждую конкретную лошадь, но, видимо, у тебя нет разума, с помощью которого ты мог бы усмотреть идею лошади».

4. От мрачного подземелья теней к светлым долинам реальности

Далее обратимся вместе с нашими студентами к вопросу о том, как соотносятся между собой идея и вещественный объект, например, та же идея лошади и наблюдаемая нами или воспринимаемая нашими органами чувств телесная, «земная» лошадь? Так же, как некий объект и тень, которую он отбрасывает. Обратим внимание на то, что речь идет именно про *тень*, а не, например, *отражение* в зеркале. Почему? По всей видимости, потому что отражение в зеркале достаточно неплохо передает отражаемый объект, показывает его таким, каким он и является, или верно о нем свидетельствует, несмотря на то, что оно – всего лишь его отражение. Как вы догадываетесь, скажем нашим учащимся, с тенью будет не то же самое: в отличие от отражения мы не можем по тени уверенно говорить о том объекте, который ее отбрасывает, – настолько она является неопределенной, смутной и обманчивой; если отражение все же сообщает нам что-то определенное об отражаемом, позволяет составить о нем представление, то тень фактически ничего не передает, и с помощью нее мы почти ничего не можем сказать об объекте, который выступает ее причиной.

Аналогия с тенью передает ту колоссальную дистанцию, которая существует между миром идей и миром вещей, между идеей как первопринципом, первообразом, образцом, эталоном вещи и самой вещью. Идея первична, совершенна и неизменна, а вещь, как ее тень, вторична, несовершенна и изменчива. Для большей ясности проиллюстрируем это с помощью следующего примера-аналогии. Прежде чем что-то нарисовать, т.е. воплотить, реализовать, материализовать на бумаге или ином носителе это

что-то, надо, чтобы сначала это было некой идеей, мыслью, формой, образом, принципом, в соответствии с которым мы и создаем наш рисунок, т.е. идея первична, а нарисованное вторично, без первого не могло бы быть второго, – невозможно, например, нарисовать *ничто*, нарисовать можно только *нечто* или что-то. Теперь представим себе, что к нам подходит ребенок и просит нарисовать лошадку. У нас, конечно же, есть идея или образ лошадки, который безупречен и прекрасен, но почему-то, к нашему разочарованию и расстройству, когда мы начинаем его воплощать или реализовывать в своем рисунке, вместо совершенной лошади у нас, как правило, получается какая-то «каля-маля». То же самое будет и в том случае, если нас попросят нарисовать принцессу или богатыря, или жар-птицу, или королевский дворец, или парусный корабль и т.д., а, скорее всего, мы вообще откажемся рисовать, зная наперед, что у нас из этого получится. Понятно, что, в данном случае, речь не идет про профессиональных художников. Кроме того, много ли наберется профессиональных художников среди всех преподавателей философии и студентов, ее изучающих? Эти замечания делаются только для того, чтобы показать с помощью рассмотренной аналогии, что идея в платоновском учении является совершенной, а вещь, представляющая собой ее тень, конечно же, несовершенна. Наконец, точно так же идеи неизменны, а вещи изменчивы: если нас попросят нарисовать лошадь, то большинство из нас нарисует именно упомянутое выше «каля-маля», но у всех это будет выглядеть по-разному, несмотря на то, что прекрасная идея лошади у нас у всех одна и та же [14].

Итак, объекты или вещи окружающего нас телесного мира являются проекциями, контурами, бледными подобиями или тенями идей высшего, прекрасного, совершенного бытия. Для иллюстрации своего воззрения Платон предложил нам следующую знаменитую аллегорию, которая получила название «Пещеры». Познакомим наших студентов с ней, немного упростив ее: представьте себе, что мы сидим в пещере спиной к входу и смотрим на ее стену. За нами в солнечных лучах проходят какие-то животные, пролетают птицы, растут цветы и т.д. Мы же видим на стене пещеры тени этих объектов, но поскольку сидим спиной к выходу, то не знаем об их существовании, – нам кажется, что наблюдаемые тени, – это и есть сами объекты, и они-то представляют собой единственную возможную реальность. Кроме того, представьте, что в таком состоянии проходит вся наша жизнь, и мы ничего не знаем о мире вне пещеры и за ее пределами, т.е. эта наша пещера – тот мир, который нам знаком, понятен, известен, привычен, и никакой другой реальности, помимо этой, как нам кажется, не существует.

Теперь, допустим, кому-либо из этих пещерных узников удалось оглянуться и увидеть за пределами пещеры сам объект, отбрасывающий тень, который, конечно же, имеет с ней мало общего, много-кратно превосходит ее своим совершенством, является прекрасным «подлинником», частью настоящей, совершенной, вечной, неизменной реальности. Увидевший поймет, что все время принимал тень от объекта за сам этот объект, невольно и моментально сопоставит одно с другим, и изумлению, удивлению, восхищению его не будет предела, но также еще и – досаде, сожалению, сокрушению обо всем том времени, в течение которого он принимал тени за сами предметы или – неподлинное за подлинное. Поняв, что настоящий мир совсем не такой, каким он его раньше воспринимал как что-то знакомое, привычное, известное, само собой разумеющееся, он никогда более уже не станет смотреть на эфемерные тени, но все свои силы направит на созерцание самих объектов; более того, он выйдет из пещеры, чтобы увидеть, что помимо ее низкого свода, серых, мрачных стен, сырого воздуха есть широкие зеленые равнины, прекрасные луга, свежий простор, бесконечное лазурное небо, на котором сияет вечное Солнце.

Кроме того, возможно, он вернется в пещеру к своим товарищам по несчастью быть ее узниками и расскажет им о том мире, который видел, чтобы и они вместе с ним покинули мрачное подземелье; и здесь он испытает огромное затруднение – как рассказать им о том, что ему открылось, если они *никогда* этого не видели? Скорее всего, они не поверят ему и, наверное, сочтут сумасшедшим, а он будет сокрушаться о своем бессилии поведать им о настоящем мире и неспособности вывести их на его просторы [15].

Так же и в нашей жизни: мы считаем окружающий нас мир единственным, видим вокруг себя различные предметы, тела, вещи и полагаем их реально существующими, не понимая, что они – всего лишь несовершенные подобия или бледные тени идей – объектов мира реального, действительного, подлинного, но невидимого или недоступного восприятию наших органов чувств. Если бы кому-то из нас удалось «увидеть» за физическими вещами их настоящее начало – идеи, он, удивившись

и восхитившись, поняв, какова подлинная, а не мнимая реальность, поспешил бы рассказать нам о ней, а мы, скорее всего, ничего не поняли бы, самодовольно считая, что он, видимо, сошел с ума и напридумывал каких-то небылиц.

5. Что такое «теория врожденных идей»?

Итак, задача философии, согласно учению Платона, как мы выяснили вместе с нашими студентами, заключается в том, чтобы помочь пещерным узникам выйти на волю – от мрачного подземелья теней к светлым долинам реальности, помочь человеку за неподлинным увидеть подлинное, за нереальным – действительное, за материальным – идеальное, за контуром – настоящие очертания, за фантомом существования – истинное бытие. Но как это сделать, и возможно ли такое вообще?

Оказывается, что возможно, хотя и не просто. Человек не полностью принадлежит окружающему нас чувственному миру телесных объектов. У него есть душа, которая, в отличие от тела, является вечной и идеальной или нематериальной; она-то и связывает его с высшим, совершенным, невидимым миром идей. После смерти тела душа отправляется именно туда, пребывает там какое-то время, при этом созерцает сами идеи и приобщается к высшему знанию. Потом она спускается в материальный мир и, вселяясь в новое тело, забывает о своем знании. Но забыть – не означает не знать вовсе, ибо в забывании кроется возможность вспомнить.

Получается, что человек рождающийся уже все знает, но только неявно, потенциально, в нем как бы «заархивировано» настоящее знание. Поэтому ему не следует идти по пути познания «с нуля» и шаг за шагом, по крупицам приобретать не знания даже, а их подобие, суррогат или видимость (т.к. это будут знания о мире вещей, а не идей). Как раз наоборот, – у него есть удивительная и уникальная возможность обнаружить в себе некогда забытое знание, проявить, «разархивировать», вспомнить его. Поэтому познание по Платону – это припоминания души. Позже данное представление о наших познавательных способностях получило название «теории врожденных идей» [16].

6. Учение Платона и христианство

Итак, еще раз отметим вместе с нашими студентами то, что одна из вечных философских идей, которая по-разному выражена в различных философских учениях, заключается в том, что окружающий нас привычный мир, который мы в большинстве своем считаем единственным возможным, не является подлинной реальностью, но представляет собой производное от невидимого, идеального, совершенного мира, вторичен по отношению к нему. Поэтому главная задача человеческой жизни заключается в том, чтобы постараться выбраться из нашего сумеречного «подземного» мира к свету мира настоящего, действительного, подлинного, который и является прекрасной, совершенной, благой, вечной реальностью как таковой. Каждый человек в своей жизни стоит перед свободным выбором – идти в сторону этой реальности или не идти, искать настоящий мир или нет, стремиться выйти из мрачной «пещеры» в долины, лежащие под бескрайним небом и ясным солнцем, или оставаться в ней. В данном случае важно то, что выбор этот не является равнозначным, «равновесным», «симметричным», наоборот, он характеризуется огромной «асимметрией»: несомненно, что для любого человека, независимо от его пола, возраста, национальности, эпохи, социальной среды и т.п. намного и даже бесконечно лучше в своей жизни именно выходить из «пещеры» нежели оставаться в ней, стремиться к высшему и подлинному миру, чем не стремиться к нему, искать его как единственную истину и безусловное благо вместо того, чтобы не искать [17].

Обратим внимание наших учащихся, что в данном случае философские идеи Платонаозвучны одному из основных утверждений христианского учения о мироздании и человеке, согласно которому тот окружающий нас мир, в котором мы постоянно пребываем в течение всей своей жизни с нашими повседневными заботами и делами, – это «гостиница», причем «подвального типа», которую раньше или позже нам придется покинуть, а нашим настоящим Отчим Домом, действительной Небесной Родиной является Царствие Божие, стремиться или не стремиться к которому может каждый человек во время своего пребывания на земле, в чем и заключается главный выбор любой человеческой жизни. Причем, Отчий Дом

по своему совершенству и благу, нашей радости и счастью бесконечно превосходит «гостиницу», даже если она и кажется нам вполне нормальной, приемлемой, а, возможно, даже удобной и «гостеприимной».

Однако между платоновской теорией и христианским учением есть принципиальные и существенные различия. Одно из них заключается в том, что высший и совершенный мир идей, о котором говорит Платон, является *безличностным*, т.е. представляет собой некое «оно», которое не является *личностью*, в то время как человек именно ей и является, в силу чего возникает справедливый вопрос о возможности *связи* между человеком и идеальным миром: как возможна связь между личностью, с одной стороны, и чем-то безличностным, с другой стороны? Причем речь идет, насколько вы догадываетесь, скажем нашим студентам, не о связи неких частей, или механическом соединении чего-то с чем-то, а о связи, как живом и осмысленном *взаимодействии, контакте, соприкосновении, диалоге, общении*. По логике вещей, связь возможна только между личностью и личностью, например: родитель и ребенок, учитель и ученик, врач и пациент, прощающий и прощаемый, защитник и защищаемый, спасатель и спасаемый.

В отличие от реальности совершенного, прекрасного, но безличностного платоновского мира идей, Царство Небесное, о Котором говорит христианство, характеризуется именно *личностным* пониманием, потому что Господь Бог – Личность, Небесный Отец, Творец, Родитель и Попечитель человека, который обращается к Нему в форме личного местоимения *Ты*: «*Отче наш, Иже еси на небесé! Да святíтся имя Твое, да прийдет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небесé и на землí!*». Поэтому между Богом и человеком не просто возможна, но и необходима *благая связь*, как между личностью мудрого и любящего родителя и личностью его ребенка, которая существует даже тогда, когда ребенок не слушается родителя и даже сбегает из отчего дома, потому что, в этом случае у него есть возможность *возвращения* обратно. Здесь обратим внимание учащихся на то, что одним из вариантов перевода латинского слова «религия» на русский является «возвращение» [18].

Еще одно отличие платоновской философии от христианского учения заключается в том, что в христианстве под мрачным подземельем или пещерой понимается не только и не столько тот окружающий нас физический или природный, чувственный мир объектов, о котором идет речь у Платона, сколько духовный мир или духовное состояние – поврежденное, испорченное, несчастное, – в котором оказался человек после грехопадения и отпадения от Бога. Физический или материальный мир, вместе с человеком, тоже повредился и отпал от своего Творца, потому что был вверен Им человеку в попечение: в результате катастрофы грехопадения и человек, и мир стали не такими, какими они были от сотворения, утратили свое непревосходимое совершенство. Однако христианство преимущественно говорит о том, что нынешний человек находится в пропасти, поврежденной грехом собственной природы, в мрачном подземелье своих пороков и страстей, из которого, тем не менее, он может постепенно выбираться, – не только путем искреннего желания и приложения личных усилий, но и, главное, с помощью Божией, – к иному своему духовному расположению – беспорочному и бесстрастному, которое было ему даровано Творцом и утрачено грехопадением.

Пещера или подземелье, или пропасть нашего нынешнего плачевного состояния часто называется в христианстве *греховной бездной*, из которой человека может вывести Милостивый Господь Бог, милосердие Которого по отношению к нам так же бесконечно или *бездонно*, как и степень нашего отпадения от Него. Однако быть вызволенным из бездны своих грехов бездонным Божиим милосердием человек может только тогда, когда он *понимает*, что в ней находится и *истлевает* духовно, тем самым закрывая себе путь к благому бессмертию, ужасается этому и действительно хочет выбраться из нее: «*В бездне греховней валяяся, неисследную милосéрдия Твоего призываю бездну: от тли, Боже, мя возведи!*» (Ирмос шестой Песни Последования ко Святому Причащению).

Согласно христианскому учению, путь из подземелья или пропасти наших страстей и пороков в Царствие Небесное, в рай, к максимальной или бесконечной полноте жизни, смысла, радости и счастья открывается для человека, стремящегося к своей Небесной Родине, не только после завершения его земной жизни, но – уже при ней – по мере изменения, исправления, преображения его духовного состояния или *рождения заново* – от жизни греховной и безбожной к жизни с Богом, в которой человек отчетливо видит и осознает свои безобразия и беззакония, сокрушаются о них, приносит покаяние и старается стать лучше, чем он есть.

Заключение

Подводя итог нашего исследования, еще раз отметим, что в преподавании любого учебного предмета или дисциплины, особенно социально-гуманитарного блока, вполне возможно изложить основной учебный материал так, чтобы никто ничего не понял – сумбурно, непоследовательно, неясно, скучно, неинтересно, безжизненно. В таком случае познавательный интерес учащейся аудитории полностью утрачивается, а на его месте появляется настоящая *тоска*, в результате которой и появляется то самое фундаментальное *отчуждение* между преподаваемым предметом и учащимися, между ними и преподавателем, которое обнуляет и обессмысливает всю его профессиональную деятельность, т.к. внутренний мир учащегося остается одним и тем же *на входе и на выходе*, а время и силы как преподавателя, так и студентов оказываются потраченными совершенно напрасно, – некие образовательные взаимодействия были только *de jure*, а в действительности или *de facto* их не было.

Однако у преподавателя всегда имеется и противоположная возможность, которая заключается в том, чтобы изложить учебный материал последовательно, ясно и ярко, сделать его максимально приближенным к жизни, рассказать о сложном просто и интересно. В этом случае возможно получение сразу определенного *комбинированного* результата: во-первых, это радостное удивление учащейся аудитории, – оказывается, философия (история, социология, культурология, логика и т.п.) может быть совсем не скучной и быть не *против* нас, а за *нас*, а, во-вторых, годами сформированная учебная *тоска* исчезает, а на ее месте появляется неподдельный познавательный интерес и реальная образовательная мотивация. И именно в этом случае определенный результат педагогических усилий в виде твердо усвоенных нашими учащимися знаний, понимания предложенного материала и умения им пользоваться в различных эпизодах интеллектуально-речевой практики не заставит себя ждать, а мы сможем вместе с лирическим героям знаменитого фильма Л. Гайдая про Ивана Васильевича смело сказать, что «все на свете было не зря, не напрасно было». Давайте же будем, уважаемые читатели и коллеги, стремиться к такому результату нашей профессиональной деятельности, который «по общему знаменателю» будет заключаться в нашей радостной уверенности в том, что образовательные взаимодействия и педагогические усилия были предприняты *не зря и не напрасно*.

Список литературы

1. Гатиатуллина Э.Р. Горек ли корень учения? Или к вопросу о личности педагога в образовательном процессе // Современное образование. – 2015. – № 2. – С. 20–44.
2. Меликов И.М. Преподавание философии: опыт осмысливания // Ученые записки Российской государственного социального университета. – 2007. – № 3 (55). – С. 4–11.
3. Горелов А.А., Горелова А.Т. Преподавание философии в гуманитарных вузах как фактор развития личности молодого человека // Философское образование. – 2008. – № 18. – С. 42–48.
4. Гусев Д.А. Философия как удивление для современных студентов: мировоззренческий и дидактический аспекты // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2024. – № 3 (28). – С. 14–36.
5. Волкова Е.Г. Основные проблемы преподавания философии в вузе // Современное образование. – 2015. – № 2. – С. 80–115.
6. Гусев Д.А., Минайченкова Е.И., Горбунова Ю.А., Пустовойтов Ю.Л., Рюкина А.А., Суслов А.В. Апории Зенона – для современных студентов (историко-философский, общетеоретический, мировоззренческий и дидактический аспекты). Часть 1 // Образовательные ресурсы и технологии. – 2023. – № 3 (44). – С. 98–114.
7. Гусев Д.А., Минайченкова Е.И., Горбунова Ю.А., Пустовойтов Ю.Л., Рюкина А.А., Суслов А.В. Апории Зенона – для современных студентов (историко-философский, общетеоретический, мировоззренческий и дидактический аспекты). Часть 2 // Образовательные ресурсы и технологии. – 2023. – № 4 (45). – С. 86–95.
8. Фролова А.А. Шаг вперед, два шага назад: к вопросу об инновациях и традициях в образовательном процессе // Наука и школа. – 2015. – № 4. – С. 126–134.
9. Гусев Д.А. К вопросу о содержании учебного курса философии в средней и высшей школе // Наука и школа. – 2002. – № 4. – С. 2–7.

10. Косиченко А.Г. Современные глобальные проблемы как следствие апостасии // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2022. – № 4 (21). – С. 14–30.
11. Хачатрян А.А. Удивление – источник появления философии // Современные тенденции развития науки и мирового сообщества в эпоху цифровизации: сборник трудов XXI Международной научно-практической конференции, Москва, 15 февраля 2024 года. – Москва, 2024. – С. 320–326.
12. Мальцева С.М., Строганов Д.А., Муравлева Е.М. Удивление как познавательный стимул в процессе изучения философских дисциплин // Современные исследования социальных проблем. – 2020. – Т. 12, № 2–2. – С. 85–90.
13. Гусев Д.А., Минайченкова Е.И., Суслов А.В. «Основной вопрос философии» для современных студентов: мировоззренческий и дидактический аспекты // Образовательные ресурсы и технологии. – 2021. – № 2 (35). – С. 79–93.
14. Кондратьева С.Б. Преподавание философии в вузе: проблемы, прогнозы, перспективы // Знание. Понимание. Умение. – 2018. – № 4. – С. 122–131.
15. Беляев А.В. Преподавание философии в вузе: почему количество не переходит в качество // Человек. Социум. Общество. – 2020. – № 2. – С. 18–23.
16. Гусев Д.А., Минайченкова Е.И. Вторая сторона «основного вопроса философии» в контексте содержания современного образования // Образовательные ресурсы и технологии. – 2019. – № 3 (28). – С. 89–99.
17. Цыплаков Д.А. Образовательный процесс в России как результат секуляризации // Образование и общество. – 2015. – Т. 3, № 92. – С. 116–119.
18. Махрачева Я.В., Махрачев Г.С. Деятельность классных руководителей и учителей-предметников по формированию у учащихся патриотических и духовно-нравственных ценностей на основе православного мировоззрения // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2024. – № 2 (27). – С. 168–187.

References

1. *Gatiatullina E.R.* Gorek li koren' ucheniya? Ili k voprosu o lichnosti pedagoga v obrazovatel'nom processe // Sovremennoe obrazovanie. – 2015. – № 2. – S. 20–44.
2. *Melikov I.M.* Prepodavanie filosofii: opyt osmysleniya // Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta. – 2007. – № 3 (55). – S. 4–11.
3. *Gorelov A.A., Gorelova A.T.* Prepodavanie filosofii v gumanitarnykh vuzah kak faktor razvitiya lichnosti molodogo cheloveka // Filosofskoe obrazovanie. – 2008. – № 18. – S. 42–48.
4. *Gusev D.A.* Filosofiya kak udivlenie dlya sovremennoy studentov: mirovozzrencheskij i didakticheskij aspekty // Bogoslovskij sbornik Tambovskoj duhovnoj seminarii. – 2024. – № 3 (28). – S. 14–36.
5. *Volkova E.G.* Osnovnye problemy prepodavaniya filosofii v vuze // Sovremennoe obrazovanie. – 2015. – № 2. – S. 80–115.
6. *Gusev D.A., Minajchenkova E.I., Gorbunova Yu.A., Pustovojtov Yu.L., Ryukina A.A., Suslov A.V.* Aporii Zenona – dlya sovremennoy studentov (istoriko-filosofskij, obshcheteoreticheskij, mirovozzrencheskij i didakticheskij aspekty). Chast' 1 // Obrazovatel'nye resursy i tekhnologii. – 2023. – № 3 (44). – S. 98–114.
7. *Gusev D.A., Minajchenkova E.I., Gorbunova Yu.A., Pustovojtov Yu.L., Ryukina A.A., Suslov A.V.* Aporii Zenona – dlya sovremennoy studentov (istoriko-filosofskij, obshcheteoreticheskij, mirovozzrencheskij i didakticheskij aspekty). Chast' 2 // Obrazovatel'nye resursy i tekhnologii. – 2023. – № 4 (45). – S. 86–95.
8. *Frolova A.A.* Shag vpered, dva shaga nazad: k voprosu ob innovaciyah i tradiciyah v obrazovatel'nom processe // Nauka i shkola. – 2015. – № 4. – S. 126–134.
9. *Gusev D.A.* K voprosu o soderzhanii uchebnogo kursa filosofii v srednej i vysshej shkole // Nauka i shkola. – 2002. – № 4. – S. 2–7.
10. *Kosichenko A.G.* Sovremennye global'nye problemy kak sledstvie apostasii // Bogoslovskij sbornik Tambovskoj duhovnoj seminarii. – 2022. – № 4 (21). – S. 14–30.
11. *Hachatryan A.A.* Udivlenie – istochnik poyavleniya filosofii // Sovremennye tendencii razvitiya nauki i mirovogo soobshchestva v epohu cifrovizacii: sbornik trudov XXI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Москва, 15 fevralya 2024 goda. – Москва, 2024. – S. 320–326.
12. *Mal'ceva S.M., Stroganov D.A., Muravleva E.M.* Udivlenie kak poznavatel'nyj stimul v processe izucheniya filosofskih disciplin // Sovremennye issledovaniya social'nyh problem. – 2020. – Т. 12, № 2–2. – S. 85–90.

13. *Gusev D.A., Minajchenkova E.I., Suslov A.V. «Osnovnoj vopros filosofii» dlya sovremennoy studentov: mirovozzrencheskij i didakticheskij aspekty // Obrazovatel'nye resursy i tekhnologii.* – 2021. – № 2 (35). – S. 79–93.
14. *Kondrat'eva S.B. Prepodavanie filosofii v vuze: problemy, prognozy, perspektivy // Znanie. Ponimanie. Umenie.* – 2018. – № 4. – S. 122–131.
15. *Belyaev A.V. Prepodavanie filosofii v vuze: pochemu kolichestvo ne perekhodit v kachestvo // Chelovek. Socium. Obshchestvo.* – 2020. – № 2. – S. 18–23.
16. *Gusev D.A., Minajchenkova E.I. Vtoraya storona «osnovnogo voprosa filosofii» v kontekste soderzhaniya sovremennoy obrazovaniya // Obrazovatel'nye resursy i tekhnologii.* – 2019. – № 3 (28). – S. 89–99.
17. *Cyplakov D.A. Obrazovatel'nyy process v Rossii kak rezul'tat sekulyarizacii // Obrazovanie i obshchestvo.* – 2015. – T. 3, № 92. – S. 116–119.
18. *Mahracheva Ya.V., Mahrachev G.S. Deyatel'nost' klassnyh rukovoditeley i uchiteley-predmetnikov po formirovaniyu u uchashchihsya patrioticheskikh i duhovno-nravstvennyh cennostej na osnove pravoslavnogo mirovozzreniya // Bogoslovskij sbornik Tambovskoj duhovnoj seminarii.* – 2024. – № 2 (27). – S. 168–187.

Статья поступила в редакцию: 23.01.2025

Received: 23.01.2025

Статья принята в печать: 10.03.2025

Accepted: 10.03.2025